

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

СЕВЕРО-ПРИЧЕРНОМОРСКИЕ ЛИНГВО-КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ОБЩНОСТИ

Александр Шапошников

Происхождение болгар и сложение их языка и культуры — длительный многовековой процесс, протекавший в Предкавказье, Северном Причерноморье и Подунавье. До недавнего времени в культуре и языке болгарского народа явно проступали гетерогенные элементы (наследие древних эпох конвергенции нескольких этнокультурных общностей), представляющие большой интерес для исследователей (этнографов, фольклористов, филологов, историков и культурологов).

Остановимся на некоторых важнейших компонентах, слагающих болгарскую культуру, — комплексе материальных и духовных продуктов воспроизводящей деятельности этноса.

Опираясь на последние достижения культурологии в болгаристике, можно с определенностью утверждать, что болгарский лингво-культурный комплекс сложился первоначально в Западном Предкавказье и Приазовье и корнями уходит в культуры этого региона рубежа эр.

Древнейшие культурные компоненты (ингредиенты) болгарской культуры внесены в единый комплекс несколькими гетерогенными этническими группами различной языковой и этнической принадлежности. Предлагаем читателю свою версию основных этноязыковых составляющих болгарского комплекса. Некоторые положения этой версии покажутся многим непривычными.

***

Одна из этнических групп, положившая начало образованию древнеболгарской народности, — таинственный этнос *юэчжи* (наименование условное), происходившей из Центральной Азии. Древнейшее место расселения этого этноса, определяемое посредством наблюдения распространения следов его семиотических (знаковых) систем, располагалось в областях *Гобийского Алтая* (ныне *Гоби-алтайский аймак Монголии*). Там по сей день сохрани-

лись родовые геральдические наскальные знаки *юэчжи*. Северной границей обитания юэчжи являлись горы Гобийский Алтай, где на базальтовых скалах ущелья *Цагангол* выбиты тамги (геральдические родовые знаки) вождей юэчжийских племен, идентичные тамгам «кочевых» династий Семиречья, Согда и Хорезма, а также Кавказа, Боспора, Таврики и Подунавья¹. Термины «тамги» или «белеги» условны, так как полной уверенности в языковой принадлежности этого этноса к алтайской семье языков нет.

Помимо собственно *юэчжи* в этот кочевой союз входили: племя *хуцзе* (кит.), обитавшее к сев.-зап. от Чжанъе (провинция Ганьсу), племя *усунь*, *вусунь* (кит.), кочевавшее в области Бэйшань к сев.-зап. от г. Юймынь (провинция Ганьсу), *арийское* государство Крорайна (Крорайна — ныне Лоулянь, Чалмадана — Черчен-Цемо, Чадота и Ния), *тохары* Турфана, Карашара и Кучи, *саки* (кит. *сэ*) Хотана, Яркенда и Кашгара), племя *кянгюй* (Урумчи и Джунгария?). Ко времени столкновения с империей *сюнну*, юэчжи контролировали территорию современных Гоби-Алтайского аймака Монголии, китайской провинции Ганьсу и Синьцзян-уйгурского автономного района. Как очевидно следует из этого перечисления, юэчжи изначально входили в гетерогенную историко-культурную общность, в которой смешивались племена и народности индоевропейской языковой семьи (арийцы, тохары, туранцы) и этносы, языковая принадлежность которых устанавливается с трудом (юэчжи, хуцзе, усунь, кянгюй)².

К сожалению, свидетельства соседних развитых письменных традиций о юэчжи крайне редки и отрывочны. Не только уклад и быт на родине, но и история войн, миграции этносов общности юэчжи едва поддаются реконструкции.

Китайской традиции этот этнос известен под наименованием *юэчжи* (передача местного названия Урумчи?). В правление китайского императора У-ди (141-87 гг. до н.э.) владение *Большой Юэчжи* лежало на север от Шаньду по соседству с *Кянгюй* и имело сильное войско, которое можно было нанимать на службу. Но две попытки императора У-ди распространить владения Хань на 10 тысяч ли в северо-западном направлении не увенчались успехом. Юэчжи во II в. до н. э. вели борьбу с соседними племенами и кочевой империей *сюнну* (прототипом позднейших тюркских каганатов).

Вначале юэчжи были побеждены и включены в состав империи *сюнну*. По мнению посла Чжан Цзяна «юэчжи в обыкновениях сходствуют с *сюнну*»³. Затем последовали годы восстаний и жестокого их подавления. В конце концов, часть юэчжи и часть *сюнну* мигрировали на территорию Средней Азии (2-я пол. II в. до н. э.). Там юэчжи сокрушили эллинистическую государственность Греко-Бактрийского царства и создали на основе бактрийской эллинистической и древнеиндийской цивилизаций свою культуру и государственность (*Содэг Хуннук Тарбан*), иначе известную как империя Кушан и Хорезм (*Кангюй-Тарбан*). В этом регионе юэчжи иногда обозначались аллоэтнонимом *хуннук* (хорезм., согд. *хwnwgg*, *xūnnwgg*, др.-инд. *hūṇa*-).

Денежная эмиссия Хорезма II в. до н. э. — VI в. н. э. доносит наименование этой общности **hvenuq* в виде надписей особым письмом: *sdry h₂unuq t₁r₁ban* [sodyg hunuq tarban] (XXII, Б III, Б IV), *h₂vnuh₁q k₂gui* [hvenuhq kangui] (XXIII, B1), *h₂vnh₁q* [hvene] (XXIX, Б₂ 19), *h₂vnuh₁q* [hvenuhq] (XVIII, Б 1/1)⁴. Подобное наименование входит в состав надписи на чаше *h₂ung s₁dgu₁ as₂ug x₁m* [huneg sodgui asug xumu]⁵. В греч. текстах встречается написание этого имени в виде χιωνιται, οuar και χουιι, οuarχωνιται⁶.

Вопреки оптимистическим толкованиям тюркологов данная форма этнического наименования (др.-тюрк. **unuq başy-buzuq* ‘десять стрел головорезов’) не является фактом пратюркского языкового состояния. Перед нами позднее переосмысление древними тюрками чужеродного языкового явления в духе «народной этимологии». Похоже, что усвоение юэжками собирательного наименования кочевого союза племен хвионов произошло именно в Согдиане в последней четверти II в. до н. э.

Другой миграционный поток юэчки достиг Волго-Донского междуречья и Предкавказья (также в последней трети-четверти II в. до н. э.)⁷. На исходную область их обитания указывает этноним *хуннук* и название области *Чунгар* к северу от Дербента в Армянской географии. Эта ветвь юэчки (хуннук) и стала одной из важнейших составляющих будущего болгарского этноса. Количество этих переселенцев было невелико. Оказавшись в окружении многочисленных сарматских и туранских племен (находившихся примерно на том же культурном уровне), а также в общности совершивших совместное с ними переселение угорских и алтайских племен, юэчки быстро адаптировались и вступили в долговременный процесс языковой и культурной конвергенции.

Доказательством древних языковых контактов юэчки (хуннук) с тибетцами могут служить рефлексы тибетских слов *khrom* (в крорайни ‘город с рынком’) и *mkhar* ‘укрепленный город’⁸. Первое слово застыло в Дунайской Болгарии в виде имени хана *Крума*, а в Таврике — в виде названия г. Ст. *Крым*. Второе слово лежит в основе названия боспорского города *Macara, Machara, Machare* (An. Rav.), располагавшегося между *Malorossa* и *Murmicon*, а также в племенном названии *макорес* (из *βοράδες*), родоначальник которых библи. Тогарма (т. е. киммерийский Тугдамме-Лигдамис: Θόρυαρμα, ἐξ οὗ βοράδες в Пасхальной Хронике 47:3 и 57:13). В дальнейшем этот этноним, вероятно, стал одним из наименований венгров (*moger, mogor, megére, megéri, μεγέρη*).

Из языка хотанских саков происходит сев.-причерноморские имена собственные типа *Кса, Гза, Коза, Къза, Гзак, Хоз* (из местного названия *Ksa* в оазисе Чира)⁹.

Др.-русск. слово *богатырь*, др.-польск. *bohaterz* восходят к тох. **baga-atär*, а местное название греч. Τιμάρταρχα, др.-русск. *Тьмоутаракань* «(ставка) тархана одной тьмы (воинов)» восходит к тох. А *tmät* или тох. В. *tutam* ‘10000’¹⁰.

Историко-культурная общность племен Северного Причерноморья, Приазовья и западного Предкавказья с 90-х гг. до н. э. известна римской традиции под именем сармат (*sarmatae*). Остается только гадать, каким этнонимом римляне обозначали саму общность юэчжи. В боспорской традиции новая династия, утвердившаяся после смутного заката Митридатовой династии (110-14 гг. до н. э.), именовалась собирательно савроматской, а многие цари именовались Савроматами (Тиб. Юл. Савромат I [61-68], Савромат II [91-123], Савромат III [174-210], Савромат IV [229-231], Савромат V [275-276], Савромат VI [334-341]). Эти наименования (сарматы и савроматы) в языковом отношении восходят к вост.-иранским (сарматским, др.-осет.) и прабалтийским диалектам соответственно.

Знаковые следы (тамги, вернее белеги) юэчжи обнаружены археологами не только в Предкавказье, но и предгорной Таврике (где они, к слову, представлены весьма обильно и полно, к примеру, на скале Ак-Кая). Эти наскальные знаки указывают на присутствие здесь многих родов юэчжи, сохранивших свою геральдику, тождественную гоби-алтайской III-II вв. до н. э. Предположительно, это племя *сатархов*, упоминаемое обычно на стороне таврического п-ова, обращенной к Меотиде (*Satarchae* — Mela) и в долине Танаиса (*Satharcheos Spalaeos* — Plin.). В последнем случае, все предлагавшиеся до сих пор этимологии этого этнонима сомнительны.

На протяжении I в. до н. э. — I-IV вв. н. э. западные юэчжи глубоко внедрились в состав сарматской хозяйственно-культурной общности, вошли в прямой контакт с эллинистической цивилизацией Боспора. Похоже, стойкая псевдоисторическая традиция о первой столице болгар в Фанагории не столь далека от истины.

Имя предводителя аспаруховых болгар, *Аспарух* (*Есперих*, *Есперерих*, *Исперих*), скорее всего, означает «потомок Аспара» (римского полководца 425-471 гг. аланского происхождения, который успешно воевал с гуннами в Мизии и М. Скифии в 469 г.) или с учетом формы *Есперерих* — *Аспар-рих* (Аспар-король). Оно этимологически родственно столь же известным именам правителя Боспора *Аспурга* и его рода *Аспургиан*. Аспургиане обитали в окрестностях Фанагории (на Тамани), а сам Аспург начинал свое правление также с Азиатской части Боспора и правил с 14/15 по 37/38 гг. н. э. Сарматское слово, лежащее в основе этих имен, обозначало какую-то высоко ценимую породу лошадей (ахалтекинцы?).

Тиберий Юлий Рескупорид Аспург, был сыном Асандроха (иначе, Асандра, правившего около 50-17 гг. до н. э.), который также был связан с Фанагорией (возглавлял восстание против власти Митридата Понтийского в 65/4 гг. до н. э.), отнял власть над Боспором у Фарнака в 48/47 гг. и пользовался характерной тамгой (белегом). Имя *Асандрох* по своему словообразованию входит в число так называемых «хуннских» имен на *-ах*, *-эх*, *-ох*, *-ух* (ср. *Мундьюх*, *Тарниах*, *Винех* и др.).

Таким образом, первое упоминание одного из подразделений вост.-европ. общности юэчжи датируется I в н. э. Фанагорийские аспургiane — предки аспаруховых болгар — существовали как особая этническая группа уже тогда.

Мы не случайно подробно остановились на перечислении древних областей расселения юэчжи. Тожество знаков, оставленных неким этносом на скалах в алтайском урочище Цагангол, на монетах и клеймах Согда и Хорезма, на стенах домов, каменных плитах, надгробных стелах и монетах Боспора, на камнях городища Керменчак и Ак-Каи, на Мадарских скалах и в других местностях Восточной и Центральной Европы позволяет предположить миграцию хотя бы части этого этноса от Гобийского Алтая до Дуная.

При этом знаковые следы (а именно, белеги, тамги) юэчжи в Центральной и Средней Азии, в Причерноморье и Подунавье являются, по моему мнению, несомненным различительным этническим признаком. Ибо весьма мала вероятность того, чтобы другими народами заимствовалась система родовой и династической геральдики. Намного легче происходит усвоение чужого языка и переход на него. Я уверен, что не только белеги юэчжи были перенесены далеко на запад Евразии, переместилась туда же и часть этноса, носителя особого языка и ономастики.

Проблема языковой принадлежности юэчжи по-прежнему далека от разрешения. Крайне малочисленные языковые реликты таинственного языка среднеазиатских, северопричерноморских и дунайских гуннов не поддаются пока однозначной интерпретации, этимологизации и языковой атрибуции. В частности, отмечено, что подавляющее большинство гуннских имен собственных IV-VI вв. имеет ясную германскую этимологию¹¹, что слова из древнеболгарского Именника не характерны для «болгарских» источников Поволжья¹². Л. Лигети справедливо полагал, что причисление хуннского языка к языкам прачувашского вида есть ни что другое, как построение гипотезы на гипотезе¹³.

Большинство «дунайско-булгарских» языковых реликтов VIII-X вв. не соответствует реконструкции алтайских языковых состояний того времени (включая чувашский праязык). После столетия выдвижения различных гипотез стало ясно, что значительная часть хуннских языковых реликтов не соотносима не только с тюркским, монгольским или чувашским материалом, но и в принципе не может принадлежать алтайской семье языков (невероятные стечения согласных, особенности вокализма, ср. к примеру, слово $\chi\omega\mu\sigma\chi\eta$). По-прежнему, перспективны изыскания языковых соответствий в тибетских и, особенно, в северокавказских языковых группах.

Собственно юэчжи могут оказаться неким сообществом племен, предков современных северокавказских народностей, в глубокой древности обитавших в Семиречье, Джунгарии и у Гобийского Алтая. Я вполне допускаю, что носители современных северокавказских языков (абхазско-адыгских, кабардинского, чеченского, ингушского и дагестанских) и есть потомки тех са-

мых загадочных хуннов. Анатолийская гипотеза их происхождения зиждется на слишком шатком лингвистическом основании. Предпочтительнее считать эти северокавказские народности остатками особой языковой и культурной общности, несколько веков проживавшей в окружении племен индоевропейской, уральской, алтайской и китайско-тибетской языковых семей, а во второй половине II в. до н. э. под давлением сюнну (предположительно народов алтайской языковой семьи) покинувшей Гоби и Урумчи и устремившейся в Среднюю Азию и Предкавказье¹⁴.

Некоторые имена собственные в греко-римских источниках IV-V вв. могут восходить к этому языку юэчжи: *Васих, Курсих, Хисла, Унтар* или *Октар, Мундьюх* или *Мундзук, Оибарсий, Харатон, Мама, Эллах* или *Эллак, Хернах* или *Ирник, Денгицих* или *Денцик, Котраг* или *Кутриг, Кутург, Утиг* или *Утург, Авитохоль, Коурътъ, Тервель, Севаръ, Кормисошь, Винехъ, Оуморъ, Омуртагъ*, родовые имена *Доуло, Вихтоунъ, Вокиль, Оукиль, Угаинъ* и др.

Широкораспространенный словообразовательный суффикс -х может оказаться тождественным общеадыгскому формативу мн. ч. -хэ или суфф. -хы со значением «склонный к чему-л.»¹⁵. Применяв это положение к этнониму *сатархов*, прихожу к выводу, что оно, собственно говоря, есть форма мн. ч. на -хэ от ИС *Сатар*.

Девизы правления из Именника болгарских правителей, вероятнее всего, восходят именно к этому же языку юэчжи: *диломъ тоутомъ, диломъ твиремъ, дохъсъ твиремъ, текоучитемъ тъвиремъ, шегоръ твиримъ, шегоръ вецемъ, шегор алемъ, сигор елем, верени алемъ, двенъшихтемъ, тохалътомъ, соморъальтемъ, етхъ бехти*

Встречающийся на каждом шагу конечный формант -мъ можно отождествить с общеадыгским определительным формативом -м, который маркирует лишь эргативный объектный, выражающий функции косвенных падежей (типа *уынэ-м сихъагъ* «я вошел в (этот самый) дом», *тхылъ-ым седжэ* «я читаю (определенную) книгу»). Примечателен способ присоединения этого показателя определенности имени с конца слова, который бытует только в адыгских (черкесских) языках¹⁶. Если моя догадка в дальнейшем найдет новые подтверждения, то «булгарские» формы типа *дилом тутом* прольют свет на тайну возникновения постпозитивного артикля в болгарском (*кът ~ кътът*) и вост.-романских (*вад ~ вадул*) языках.

Впрочем, помимо спорных свидетельств эпиграфических и письменных источников, убедительных примеров реликтовой ономастики сев.-кавк. происхождения вне кавказского региона не обнаружено. Возведение таврич. гидронима *Писара* (СГУ 425), *Писара, Писари* к черкес. *псарп* «вода» неубедительно и уступает индоар. реконструкции и этимологии *api-sara- «приток», ср. др.-инд. *api-sgi*- «to flow upon» (Мон.-Wil. 55). Столь же сомнительно толкование таврич. МН (овраг) *Туак* из адыг. *тлуак* «долина среди гор». Средневековые дотатарские наименования этого селения *Scuto, casale de lo Scuto* являются яс-

ным аргументом в пользу реконструкции реликтового **tuak-* ‘щит, обтянутый кожей’, ср. др.-перс. *tʰaka-bara-* ‘саки, носящие щиты’, др.-инд. *tvak-* ‘кожа’, др.-греч. *σάκος*, *ἑος*, *τὸ* ‘большой щит’.

Примечательным фактом общности юэчжи Восточной Европы является использование особого вида письма, похожего на хорезмийскую и согдийскую письменность, и значительно отличающегося от древнетюркских рун. Так как это письмо использовалось племенами разных языковых групп и семей (юэчжи, алтайской, угорской, туранской, сарматской) в повседневных и культовых целях, прочтение большинства памятников этой письменности поныне является спорным. Ср. противоречивые чтения рун даже на материале алтайских языков в различных публикациях¹⁷.

***

Явление чувашского языка (ныне в Среднем Поволжье), отделившегося от других алтайских раньше прочих около рубежа эр, однозначно указывает на то, что в составе общности юэчжи были племена, носители (двух-трех) диалектов алтайского праязыка конца I тыс. до н. э. Алтайская языковая семья включает тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, корейскую и японскую группы языков (две последние оставим в стороне). Прародиной всех тюркских языков считается Монгольский Алтай и Хангай, всех монгольских — нынешний автономный район Китая Внутренняя Монголия и Ордос, а тунгусо-маньчжурских — Большой Хинган.

Фонетический и морфологический облик чувашских диалектов, их специфический словарный состав резко выделяет их на фоне остальных тюркских языков. Среди тюркологов московской лингвистической школы преобладает мнение о безусловном вхождении чувашского языка в тюркскую группу¹⁸. Это же мнение широко бытует в среде болгарских и венгерских тюркологов, историков и антропологов. Я также склоняюсь к принятию данного положения. Но, справедливости ради, следует упомянуть о существовании другого мнения, согласно которому чувашский язык — осколок самостоятельной языковой группы алтайской семьи, промежуточной между монгольской и тюркской группами¹⁹.

С ранне-чувашской общностью, вероятно, связано использование аллоэтнонимов *булгар* и *савар* (*савир*). Но тождество этнонима и этноса в данном случае мнимое. Не все, что именуется болгарским или савирским, имеет алтайское происхождение. Так, «гуннские» языковые реликты в своей массе никакого отношения к ранне-чувашскому языку не имеют. То же утверждение справедливо и в отношении языковых реликтов Дунайской Болгарии вопреки полувековым потугам некоторых исследователей дать натянутые этимологии слов болгарского Именника на основе современного чувашского²⁰. Это заблуждение насаждалось столь активно и воинственно, что голоса «здорового смысла» едва различимы в общем хоре «общепринятого мнения»²¹.

Считается, что языковые реликты алтайского (ранне-чувашского) облика отмечаются уже в эпоху Аттилы и Бледы. В качестве примера приводится единичное имя собственное *Эсхам* — имя знатного хунна. Алтайская этимология этого имени сомнительна, а с учетом германских и сев.-кавказских данных и вовсе теряет свое значение. Больше уверенности в отношении реликтов Хазарской эпохи: *Атакам* ‘отец-шаман’ — наименование воспитателя детей хазарского кагана, регента при малолетнем наследнике, первого министра (Будагов. I, 9) и *апакам* ‘бабушка-шаманка’ — мать-регент при малолетнем хазарском кагане (Golden, 254). Однако и в данном случае остается вероятность индоарийского происхождения композитов (ср. др.-инд. послеслог *-kam*).

Относительно пространственного перемещения носителей чувашских диалектов в раннее средневековье известно мало. Принято считать, что в свою современную область обитания чуваша были вытеснены татарами из Казани, от слияния Волги и Камы, а туда попали в конце IX в. в результате внутренних неурядиц в Хазарском каганате и под натиском печенегов из междуречья Дона и Донца (венг. Dente).

Но слабым местом этой реконструкции миграционного пути является недостаточная изученность исторической топонимики Поволжья, Подонья и Северного Кавказа (существующие публикации слабы в методическом отношении²²). Насколько мне известно, древних компактных топонимических ареалов, которые имели хотя бы какие-то фонетические и морфологические черты раннего чувашского языкового состояния, в Волго-Донском и Северокавказском регионах не выявлено. Это, конечно может быть связано с хозяйственно-культурным типом предков чувашей (кочевники). Но, скорее всего — это результат невнимания к данной периферийной теме со стороны исследователей исторической ономастики Поволжья.

Обнаружение некоего компактного топонимического ареала с чертами ранне-чувашского языкового состояния рано или поздно позволит определить местность расселения этого алтайского этноса. До этого времени я осмелюсь выдвинуть умозрительную гипотезу о том, что в V-VIII вв. ранними чувашами были оставлены погребения Средней Волги: Ленинск, Верхне-Погромное Волгоградской обл., Нижняя Добринка, Бережновка, Иловатка, Ровное, Березовка, Покровские курганы №№ 17, 36, Зиновьевка, Шипово, Федоровка, Верхне-Погромное Оренбургской обл., Мертвые Соли, Старая Иванцовка, Бородаевка²³.

В VIII-IX вв. ранние чуваша, скорее всего, были одним из племен, которые населяли территорию распространения «праболгарского» варианта салтово-маяцкой культуры Подонья. Оттуда они переселились к месту слияния Камы и Волги, где ими были оставлены I и II Больше-Тарханские, Тетюшский, Больше-Тиганский, Танкеевский, Кокрятский и Хрящевский ямные могильники.

В конце IX в. н. э. часть чувашей последовала за венграми из Подонья в Подунавье. Там они сосуществовали несколько столетий, причем, чувашаи сохраняли не только свою этнокультурную самобытность, особый административный уклад (*szekler?*), но и свой язык. Язык секлеров, по моему мнению, и дал целый ряд лексических заимствований поздне-чувашского облика (иногда позднее XIV в.): ср. венг. *szél* ‘ветер’ и чуваш. *sil*, венг. *sz-eru* ‘гумно’ и чуваш. *sorə, sərə* ‘кольцо’, венг. *szőlo* ‘гроздь, виноград’ — чуваш. *širla*, каз.-татар. *jiläk*, венг. *szucs* ‘скорняк’ — чуваш. *šavăžă*, венг. *szek* ‘стол’ также относятся к позднейшим заимствованиям из этого чувашского диалекта²⁴.

Волжская Болгария X-XIII вв. до татаро-монгольского разгрома также была населена преимущественно ранними чувашами. Но этноним *bulgar* не являлся самоназванием этого алтайского этноса. Правильнее считать его происходящим из поздне-праслав. **bьlgarь*. Он обозначал первоначально значительную часть южно-славянских племен в Приазовье и Подонье, в союзе с которыми сами ранние чувашаи играли далеко не первую роль и не являлись до X в. государство образующим народом.

Арабские писатели считали, что язык булгар подобен языку хазар, а хазарский язык отличается от тюркского²⁵. В другом месте читаем: «Они (жители Булгара и Суара) не говорят по-арабски, но их язык — смесь тюркского и хазарского»²⁶.

Что-то подобное силится сообщить и Константин Порфирогенет (DAI 39: 7-10): «Поэтому и турок (венгров — А. К.) они (кавары — А. К.) обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой — язык турок». Т. е. 9 родов, присоединившихся к 7 венгерским родам Арпада, владели помимо своего, угорского, языка еще и хазарским. Неясно только что это был за язык: древнечувашский или древнетюркский.

Языковые отличия волжских булгар от тюрков хорошо заметны в надгробных надписях XIII-XIV вв. из г. Булгара: булг. *džâl* ‘год, возраст’, чуваш. *šul* — общетюрк. *jaš*, булг. *džiat* ‘семь’, чуваш. *siičče* — общетюрк. *jeti*, булг. *dzur* ‘сто’, чуваш. *ser* — общетюрк. *juz*²⁷. Из этих примеров видно, что ряд фонетических изменений (*dz > ç*, *â > u*, *ü > e*) в чувашских диалектах произошли уже после указанного времени²⁸.

Таким образом, предки чувашей — единственные потомки алтайцев, которые вместе с юэчжи совершили миграцию в последней трети II в. до н. э. из Монголии в Среднюю Азию и в Северное Причерноморье.

Та же часть реликтовой лексики древних булгар, которая имеет определенные алтайские соответствия, восходя к военной и административной терминологии первого тюркского каганата, датируется временем после прихода в Подунавье авар, а в Сев. Причерноморье — тюрков около 565-567 гг. (*орда, каган, болерин, кан, кавхан, пех*), едва ли раньше. И, несмотря на присутствие прачувашских племен в Азиатской Сарматии с конца I тыс. до н. э.,

подобная лексика не отмечается в греко-латинских и среднеперсидских текстах до последней трети VI в.

***

Третий этнический компонент древнеболгарской общности представляется мне *угорским*. Прародиной угорских племен (предков венгров, вогулов, остяков, манси) считается Южный Урал. Их ближайшее языковое окружение реконструируется с трудом. Древнейшее общение угорских племен с тюрками предшествует контактам мордвы и черемисов с ранними чувашами и датируются угорской эпохой 2000-500 гг. до н. э.²⁹ Эта датировка чересчур занижена. Скорее всего, речь должна идти о второй половине-конце I тыс. до н. э. Во II в. до н. э. часть угорских племен (предки венгров) была вовлечена в миграцию юэзжи и прачувашей и попала в Поволжье, Предкавказье и Подонье.

С относительно раннего времени в угорских и венгерском языках застыли слова тюркского происхождения: остяк. *chotyn*, *chotyng*, вогул. *chaten*, *chateng*, венг. *hattyú* 'лебедь' (ср. тюрк. *qotan*, *qotang*), остяк. *chund-*, вогул. *chunt-*, венг. *hód* 'бобр' (ср. тюрк. *qund-*), остяк. *sau*, вогул. *saw*, венг. *szó* 'слово' (ср. тюрк. *sab*, *sav* 'говор, слово'), остяк., вогул. *naur-* 'дитя' (тюрк. *jauru* 'детеныш (животного)'), венг. *enyv* 'клей', *gyalom* 'сеть' (ср. тюрк. *jylm*), манс. *lu*, *luw*, хант. *law*, венг. *ló* 'конь'³⁰.

Но в венгерском языке сохраняются также заимствования из раннего чувашского: венг. *harang* 'колокол, казан' (< *xaran), *homok* 'песок' (< *xumiq), *nyár* 'лето' (< **n'ar*), *nyak* 'ворот' (< **n'aga*), *ér* 'вена', *ír* 'писать' (прачув. **ir-* ~ пратюрк. **jaz-*), *író* 'пахтанное молоко' (прачув. *irag ~ пратюрк. **jáz-*), *ildomos* 'умно, прилично' (*ildam ~ *jildam*)³¹, которые датируются временем около начала н. э., и более поздние заимствования из старочувашского до перехода *d'* - в *s*:-

венг. *gyalom* 'сеть' ~ чуваш. *saləm*, тюрк. *jylm*,
венг. *gyart* 'производить' ~ чуваш. *sorat*, тюрк. *jarat*,
венг. *gyur* 'месить' ~ чуваш. *sər*, тюрк. *jur*,
венг. *gyuru* 'перстень' ~ чуваш. *serə*, *sorə*, тюрк. *juzuk*.

Венгерские лексические сходжения с чувашским и монгольским явно противопоставлены тюркским соответствиям (др.-тюрк., совр. тюрк.). Сравни:

венг. *tenger* и тюрк. *tunguz*, *tongyz* 'свинья',
венг. *iker*, монг. *ikere* и тюрк. *ekiz*, *ikiz* 'двойка',
венг. *borjú*, чуваш. *pəru* и тюрк. *bozagu*, *buzag*, *bozav*,
венг. *kölök*, монг. *güligе* и тур. *köşäk*,
венг. *dél*, монг. *düli*, др.-тюрк. *tüş* 'падать',
венг. *szól*, чув. *sil*, др.-тюрк. *jäl*, *jel* 'ветер',
венг. *szöllő*, чув. *sirla*, татар. *jiläk* 'лоза, виноград',
венг. *bélyeg* 'тавро, клеймо', волж.-булг. *bälik*, *bälük* 'знак', монг. *belge*, чуваш. *pallə* 'знак',

хунн. *kat* 'шаман', др.-русс. *камлати* и алт. *kām*,
слав. *кань*, *канище*, венг. *kép*, чув. *kap* — тюрк. *kär* 'образец, форма',
венг. *seprö* 'жмых', чуваш. *šöprä* и тюрк. *čüprä*,
венг. *sereg* 'войско' и уйгур. *čering* 'войско',
венг. *sátor* 'навес, шатёр' и тюрк. из перс. *čatur*, *čatyr* — то же.

На основе венгерского словарного фонда языковеды доказывают, что венгерские племена общались с носителями пратюркского и прачувашского (раннего чувашского) языков еще до начала своего самостоятельного существования, т. е. во второй половине I тыс. до н. э. Подтверждением этому служат те словарные заимствования из раннего чувашского, которые встречаются во всех угорских языках (остяцком, вогульском, венгерском) — к примеру, венг. *ír* и остяцк. *ieri* 'писать' из ранне-чувашск. **iari-* (пратюрк. **iazy-*).

Проблема раннего симбиоза восточноиранских, северокавказских и угрофинских племен в рамках единой Савроматской, Сарматской и Гуннской историко-культурной общности только начинает разрабатываться исследователями. Раннее проникновение угорских этносов в междуречье Дона и Волги, а также на Сев. Кавказ представляется весьма вероятным (это положение обосновано языковедами контактологами, ареалистами).

Примечателен факт наличия языковых изоглосс, соединяющих пашто, мунджанские и памирские диалекты с европейскими финно-угорскими. Сравни фин.-угр. **ken* 'сноха' из вост.-иран. *kanya-*, коми *лыстыны*, марийск. **lustem* 'доить' заимствованное из восточноиранской группы диалектов с перебоем **d > *δ > *l* в анлауте, ср. мундж., йидига, пашто и венеци *luz*, *lw-asel* < **daug-* 'доить'; фин.-угр. **mez*, коми *мэж* 'баран' заимствованное из восточноиранск. южн. подгруппы, ср. пашто *maz* 'баран', *mez* 'овца', с характерным исключительно для этой подгруппы озвончением интервокального *-s-* (**maisa*, **maisi*); фин.-угр. **mort* 'человек' из вост.-иран. **martya*, **marta-* 'смертный'; фин.-угр. **nan* 'хлеб' из некоего вост.-иран. диал. **niyan* < **nikan* 'зарывать (в золу)'; фин.-угр. **pudo* 'скот' из вост.-иран. (с озвончением интервокальных) **rodu* < **paθu* < **pasu* 'мелкий рогатый скот'; фин.-угр. **vurun* 'шерсть' из вост.-иран. *verne* 'шерсть'; фин.-угр. **zarni* 'золото' из вост.-иран. *zar(a)nya* 'золото, желтое'.

К примеру, венгерские слова *var* 'крепость' и *-varos* 'укрепленный город' восходят в своей корневой части к частотной скифской и сарматской топонимии **var-* с тем же значением, ср. арийск. *vara-*, топонимы античного времени в Скифии типа *Nauaron* = *Neapolis* 'новый город'. А вогульское слово *ur* с тем же значением имеет расширенную форму *wurkat*, во второй части которой угадывается сакск. *kata-* 'выкопанное, ров, земляное укрепление'³².

Часто встречающийся в позднеантичных текстах этноним *огор* (греч. ὀγόρ) (где-то в Предкавказье, в долине реки Егорлык) несправедливо отождествляется некоторыми тюркологами и историками с тюркским племенным наименованием *уйгур*. Скорее всего, перед нами передача собственно угор-

ского (само)названия. Вероятно, распространенный аллоэтноним венгров (нем. *ungar*, лат. *hungarus*, итал. *ungherese*, англ. *Hungarian*, франц. *hongrois*) происходит от него.

Во второй половине VI в. столицей части гуннов стал город *Либуидинов* (τὴν Λιβιδινῶν πόλιν — Simokatta I, 8.6), ныне г. Лебедин (Сумской области), который упоминается и позднее в венгерской традиции (Λεβεδία, Λεβεδίας, Λαβαδίας — область Хазарии, по которой текли реки Χιδμᾶς / Χιλμᾶς / Χουμᾶς, Χιγγούλ / Χιγγυλοῦς / Χιγγιλοῦς, и где обитали угры — οὐγροὶ κατοίκησαν (DAI 38, p. 168).

Оногуры упоминаются в середине VI в.: Ὀνογοῦροι (Procor.). В материалах VII Вселенского собора в Никее (787 г.) упоминается епископство ὁ Ὀνογοῦρων.

Венгерская историческая традиция хорошо осведомлена о странах *Лебедея*, *Ателькузу* («междуречье Днепра и Днестра») и *Дентия*, *Денту-Могер* («Мадьярское Подонье»)³³, некоторые реликтовые имена собственные и речные названия в византийских и славянских источниках имеют облик угорских адаптаций (*Мундзук* из *Мундьюх*, *Денцик* из *Денгицих*, *Ирникъ* из *Хернак*, *Есперих*, *Исперих* из *Аспарух*; *Этель* из *Атиль*, река *Богу* из *Боугъ*), а некоторые церковные тексты доносят подлинные угорские топонимы.

Во время понтификата константинопольских патриархов Игнатия (847-858) и Фотия (858-867) в результате успешной миссии Константина в Хазарию митрополия Готии включала: епископа *Охоциров* (вокруг (города) *Фулов* и (города) *Харасия* на так называемой Черной Воде), епископа *Астил*(ского) (на так называемой реке *Астил* (страны) Хазарии, есть и крепость *Астил*), епископа *Хвалис*(ского), епископа *Ретег*(ского), епископа *Хуннов*, епископа *Тиматархи* (Тьмутаракань-Тамань)³⁴.

Среди перечисленных наименований упомянуты потомки гуннов-акациров — охочиры (Тепе-кермен и Чуфут-кале?), Право- и Левобережное Цимлянские города (у греч. писателей Астил, Атил — река Дон и столичная крепость хазар на ней), община Хвалис (на Маныче?), община Ретег (Кубань?), община хуннов (Кубань?) и город Тьмутаракань (Тамань). Все это — важнейшие центры Хазарского каганата времен его расцвета. Название общины или племенного центра Ретег (ὁ Ρετέγυ) можно истолковать из венг. языка, где *réteg* означает 'слой, пласт'³⁵. Ср. современное название станицы Пластуновской в Краснодарском крае.

Угорский этнический ингредиент в дальнейшем дал начало народу венгров (с начала X в.). Но около тысячи лет до того угры входили в состав сначала северокавказской сармато-аланской и гунно-болгарской (между 133 г. до н. э. и 566 г. н. э.), а затем тюркской (567-633 гг.) и хазарской общностей (667-890).

Некоторые языковые реликты Дунайской Болгарии могут иметь угорское происхождение. К примеру, родовое имя некоторых болгарских канов

Вокиль, *Вокиль*, *Оукиль* сопоставимо с угорским этнонимом *вогул*. Облик некоторых слов болгарского Именника весьма напоминают угорские слова типа вогул. *wolem* 'олово' или манс. *xurem*, венг. *harom* 'три'³⁶.

Часть имен собственных может относиться к угорским языкам. Так, *Утиг* весьма напоминает этноним *вотьяк*, *вотьяг* 'лесной', что делает маловероятным его тождество с русс. *ватага* 'семейство и его жилье' (из тюрк. *otag?) (БЕР 1963, 123). Имя *Омуртаг* представляется регулярным производным с суф. *-ag* от сложной основы *о(д)-мурт-* 'смертный, человек', ср. *уд-мурт* 'лесной человек'. Родовое наименование *Вокиль* сильно напоминает этноним *вогул*, и не восходит к арабск. слову *векил*, *векилин* 'доверенное лицо, министр' (БЕР 1963, 130).

Среди «темных» слов Именника несколько раз встречается слово *тви-ремь*, *твиришь*, сопоставимое с именем бога вогулов, небесного отца *Нуми-Турем*, имеющего табун из шести или семи коней и ездящего на жеребце с золотой шкурой. Его младший сын, хранитель света, скачет на летучем коне.

***

Четвертый этнический компонент сложения болгарской историко-культурной общности — восточно-иранский (сарматы: асы, ясы, осетины; туранцы: сугдайи, саки, аланы) и синдо-меотский (арийцы, вернее, пандавы, сигюнны-цыгане). Еще в начале I тыс. до н. э. этнические группы сарматской, туранской и арийской языковой принадлежности проникли далеко в глубь Центральной Азии. Задолго до миграции на запад юэчжи обитали по соседству с вост.-иранскими по языку саками (кит. *сэ*) (Кашгар, Яркенд, Гума, Хотан)³⁷, арийскими жителями Крорайны (кит. *Лоулянь*), тохарами (Хами, Турфан, Карашар, Куча)³⁸.

Юэчжи оказывались соседями индоевропейских племен в Гоби, Джунгарии и Семиречье (сакское название области *Хант-ал* — «семь рек» застыло в наименовании *хуннов-эфталитов*, *абдал*, *эвдел*), позднее в Бактрии (Таугаст и Мукри), Согдиане (хун. Содэг — кит. Судэ), Хорезме (хун. Кянгюй Тарбан — кит. Кангюй). Китайские источники именовали туранские племена аланов *яньцай*. Согд (владение *Судэ* по-китайски) в древности называлось также Яньцай. Согласно Хоу-Хань-Шу в 25-265 гг. «владение Яньцай переименовалось в Аланью, состоит в зависимости от Кангюй».

Оттуда вместе с юэчжи, чувашами и уграми-венграми на запад последовали частично и многие туранские племена (хвионы, массагеты, согдаи, саки, аланы). Языковые следы этого передвижения отчетливо видны в исторической ономастике Скифии, где появились местные названия среднеазиатского туранского облика. Более того, самоназвание одного из старинных тиранских племенных союзов *хвьяона* = *хионы* стало в последней трети IV в. н.э. наименованием всей разнородной северокавказской и северо-причерноморской общности. Именно туранцы с Узбоя дали грозное имя кочевой империи гуннов.

Туранские топонимы широко разбросаны по евразийским степям. В Семиречье (ныне Киргизия) долгое время бытовали туранские местные названия озеро-море *Ворукаша* (авест. *Vorukaša*) — ныне *Балхаш* и название самой области *Авдал*, *Эвдел*, *Эфтал*- (из правост.-иран. **haft-al-* ‘семиречье’) лежит в основе этнонимов эфталиты, абдэл и локализуется в Киргизии (Семиречье), в водосборном бассейне озера Балхаш-Варукаша).

Столица части хуннских племен (кидаритов) на р. Герр (Днепр) в 460 г. называлась *Хунновар* (Οἰνωούαρ). Это название показывает, что наименование общности хуннов и слово *уар* ‘крепость, город’ действительно бытовали в языке населения.

Наименование историко-культурной общности Гуннов реконструируется как туран. **hūi̯a-una-*, **hūi̯ōna-*, **hūi̯un-*, **hun-nug/-nug* ‘хунны’ (ср. авест. *Нуаона* — союз туранских кочевых племен к северу от Амударьи и Узбоя в VI в. до н. э., племена Средней Азии в эллинистический и римско-византийский периоды), одного корня с др.-инд. *svīya-* ‘собственный, свой’, м. р. мн. ч. ‘родственники’, ср. др.-армян. этноним *siunnik*, др.-китайск. этноним *syuñ-ni*, др.-инд. этноним *huna*, ср.-перс. этноним *hon*, *hun*, греко-римское наименование мощного племенного союза кочевников Северного Причерноморья 370-470 гг. н.э. *hunnī*): этнонимы (**hunnug-*) (грекоязычные письменные источники), *Hunni* (латиноязычные письменные источники), *Hon*, *Hun*, *Hyon*- (ср.-иран. письменные источники), **Hunug- Unug-Baši-buzuq* ‘десять стрел — головорезы’ (др. тюркские (рунические) памятники).

Денежная эмиссия Хорезма II в. до н. э. — VI в. н. э. доносит наименование этой общности **hvənuq* в виде надписей особым письмом. В греч. текстах встречается написание этого имени в виде χιωνιται, οναρ και χουιιι, οναρχιωιται. В последней трети II в. до н. э. хвыоны приняли в союз юзэжей (предков современных северокавказских народностей), в глубокой древности обитавших в Семиречье, Джунгарии и у Гобийского Алтая.

Отмечу тесную связь с хуннами этнонима *согдай*, *сугдай* позднее попавшего в Предкавказье и в Таврику. Собственно хунны оказываются неким туранским племенем с 1200 г. до н. э. обитавшим в области Узбоя.

Туранскую этимологию имеет название области и этнической общности *согдов*: ср. авест. *Su a*, др.-перс. *Suguda*, др.-греч. хорезм. (надписи на монетах Кянгюй Тарбана) *sydy*, кит. «владение Судэ». Туранские *сугдайи* оказались в I в. до н. э. — II в. н. э. в верхнем течении Кубани. А в 212 г. н. э. по распоряжению царя Савромата они были переселены в Юго-восточную Таврику, где основали крепость Сугдайя (будущий Сурож).

— два идентичных топонима, отмеченных в Таврике и в долине Кубани (из обще иран. **suxta* ‘очищенный огнем’ — осетин. *sydæg* ‘чистый, святой’?). Сред.-греч. форма названия таврического города Σουδαῖα (произносится [sydaia]) происходит от этнического наименования Σουδαῖους τοῦς ἄνω ‘верхние сугдайи’

(народность), жители τῆν ἀνωτέρω Σουγδίαν ‘Верхней Сугдии’, которое было в утраченном Хождении апостола Андрея (I-II вв. н. э.), цитируемом Эпифанием Монахом (VIII в. н. э.). Народность Сугдайи, которой сам апостол Андрей принес Благую Весть, проживала в его время (середина I в. н. э.) где-то в верховьях рек Кубань и Уруп. В начале III века н. э. сугдайи были переселены боспорскими царями в Таврическую область, где и основали крепость Сугдайи (τὸ κάστρον τῆς Σουγδαίας) около 212 г. н. э. Переселение сугдайев с Западного Кавказа в современную Судакскую горную страну, скорее всего, было спланированной акцией со стороны боспорских царей Тиберия Юлия Савромата II (193-210 гг. н. э.) и Тиберия Юлия Рескупорида III (210-226 гг. н. э.), которые, получив практически весь Таврический полуостров к северо-востоку от реки Альма и Алушты по договору о разделе сфер оккупации с римлянами, развернули в областях бывшего Скифского (Тавроскифского) царства широкую строительную и колонизационную деятельность. Эти правители строили крепости, заботились о безопасности морских и сухопутных торговых путей, заселяли запустевшие местности переселенцами из восточных областей Боспора. Их благотворная внутренняя и внешняя политика была отмечена общинами Пантикапея (Керчь), Феодосии, античного городка в Старокрымском урочище (Постигия?), Амастриды (ныне Амасра) и Прусы (ныне Бурса) воздвижением почетных статуй и изданием декретов. Переселенцы сугдайи занимались не только охраной отдаленного форпоста Боспорского царства (крепости в Судак), но и контролировали безопасность сухопутных и морских путей, разводили скот, возделывали окрестные долины, поддерживали развитие ремесел и торговли (носителями последних занятий, в те времена были греки). В смутные III-V вв. н. э. сугдайцы — военные поселенцы приняли беженцев из гибнущей позднеантичной Феодосии. Так как среди последних были близкородственные им по языку и культуре сарматские эллинизированные роды, а также собственно грекоязычные семейства, раннесредневековая община города Сугдайи обрела позднеантичный эллинизированный облик, перешла на греческий язык.

К туранскому языковому наследию относится название реки Яик-Урал. Его древнее название *Дайтика* (ср. перс. *Daitik*, *Daitix*) было адаптировано тюркскими языками *Дайих*, позднее *Яик*.

Вместе с юэчжи в Северное Причерноморье последовали племена *саков*. Это подтверждается позднейшей топонимией Скифи: (у Константина Багрянородного) *Σακακάται* — буквально «крепость саков».

Попад в Предкавказье, юэчжи вновь оказались в окружении индоевропейских, на сей раз *сарматских* племен (потомков прародителя авест. *Сарэма-Салма*). Реальность данного этнического наименования подтверждается топонимом X в. *Σαλμακάται* — крепость Салмов. Сама ср.-иран. форма имени *Салм* обязана своим происхождением туранским языкам (переход *-rə-* в *-l-*).

В первые века н. э. отмечается появление аланских племен близ Боспора: упоминание в греческой эпиграфике главного переводчика алан ἀρχερμηνεύς Ἀλανῶν (CIRB 1053, p. 838).

Характерной туранской (вост.-иранской) топоосновой являются варианты *-kata-, *-kant(h)a-, *-kanda- со значением ‘город, обведенный рвом и валом’, обильно представленные в северопричерноморской и северокавказской топонимии: Γαλουκάται, Κρακιάκάται, Σακακάται, Σαλμακάται, Τουγγάται в Приднестровье X в. (ср. названия городов *Макам* в Хорезме, *Сурхкат* — г. Сурхат в Согде и г. Ст. Крым, *Тункат* в обл. Ташкента); город аланов *Онкат* и старинный город огоров *Бакам* в Бактерии, ср. вогул. *вуркат* ‘город’³⁹.

Иная форма представлена в названии Summerkent — «разрушенный монголами древний город аланов и сарацинов в низовьях Волги» (Рубрук) (ср. Пянджикент, Джаркент, Ташкент — Чачкент, Самарканд в Средней Азии, Яркенд в Таримском бассейне). Сюда же относятся топонимы с неиндийским окончанием -kantha (Cihanakantha e. g.), которое использовалось в именах мест в областях Варну (долина реки Курам=Акесинус?) и Ушинара (в центре Пенджаба), куда вторгались сакские племена.

Наконец, др.-инд. (у Панини) этноним *Mauiñjayaṇa* и эпоним *Muñja* — восточно-иранская народность мунджанцев (*mendzhiy*) восходят к языку *саков хаумаварга* др.-перс. надп. (*saka-haumavarga*- и др.-греч. Σκοθαί αἰμαυρίοι). По моему глубокому убеждению, именно этот этноним стал наименованием вогульских племен (*mañč*, *mañši*), а возможно и венгров *tagy* ‘венгр’⁴⁰.

Не менее существенно и то, что засвидетельствованные на юго-востоке туранские языки — пашто, памирские и хотаносакский — обладают собственными лексическими изоглоссами со славянскими, балтийскими и, даже германскими языками. Так, пашто *zanai* (<*zrna-ka) ‘зерно’ сопоставимо со слав. *zъно ‘зерно’; пашто *wreža* (<*bruša) ‘блоха’ сопоставимо с лит. *bluša* ‘блоха’; ваханск. *pagd* ‘ночь’ сопоставимо с готск. *nachts* ‘ночь’. Подобные сходства имеют сарматский и германские языки, к примеру, осетин. *ælut-on* ‘пиво’ сопоставимо с англосакс. *ealod* ‘ale’.

Часть подобных восточноиранско-европейских изоглосс определенно датируются временем не позже конца I тыс. до н. э.

Туранцы-аланы мигрировали вместе с юэчжи в Подунавье, а оттуда с вандалами на Иберийский п-ов и даже в Северную Африку (419-429 гг.).

Часть сарматских племен (асов) последовало за венграми из Подонья в Подунавье, где они населяли нынешний округ Солнок⁴¹.

Весьма заметное участие сарматских и туранских племен в сложении хунно-булгарского и венгерского культурного и языкового комплекса признается практически всеми исследователями. Следы древних языковых контактов венгров с сарматами — сохранившиеся в венгерском языке заимствования осетинского облика: *asszony* ‘женщина’, *hid* ‘мост’, *tölgy* ‘дуб’, *üveg* ‘стекло’, *vért* ‘кольчуга’, *zöld* ‘зеленое’ и др.⁴²

Такие этнические наименования как *сърбъ и *хърватъ пришли к позднейшим южным славянам с Зап. Кавказа (ср. этноним у Плиния *sirbi cephalotomoe*, восходящий к индоарийск. диал. < *çir- ‘голова’, *bhi- ‘бить’) и Нижнего Дона (танаитск. ИС *Χορὸυαθος* восходит к вост.-иран. **harvat-gynaecoscratumeni*, *γυναικοκρατούμενος*, ‘женоуправляемый’).

Для исследователей проблемы этнонима Русь небезынтересно сообщение Ибн-Русте (ок. 903 г.) о том, что главенствующее аланское племя называлось *рухсас* [rwhs 's] а другие аланские племена – тулас и буртас. [twl 's, bwrт 's]⁴³. Вышеупомянутая вост.-иран. форма *ruxs- действительно может быть прототипом слав. адаптации в виде русь, в частности она непротиворечиво объясняет сохранение интервокального -s-, как результат поглощения -xs-.

Примечателен и факт использования асами и аланами хуннского, а позднее и тюркского рунического письма в некоторых областях Хазарского каганата⁴⁴.

***

Около 153 г. н. э. гуннская общность, состоявшая из потомков юэчжи, прачувашей, угров, сармато-туранцев вступила в новую эпоху ранней государственности. Согласно Именнику болгарских канов эта эпоха именовалась Авитохол и длилась 300 лет (до гибели Атилы). С этой даты начинается история древних болгар.

***

Прямые столкновения и знакомство гуннов-юэчжи с готами датируются серединой III в. н. э. В Подонье готы взяли и уничтожили боспорский город Танаис. В 250-е гг. готы и бораны совершали по морю набеги на Боспорское царство и Римскую империю. По соседству с фанагорийскими аспургиянами лет 20 проживали готы-трапезиты, основавшие город Трапезунт (где-то на Боспоре Киммерийском) после печально известного захвата г. Трапезунт в провинции Понт (257 г.).

Хотя германоязычный компонент гуннской общности замечен отчетливее всех иных в реликтовой ономастике той поры (почти все имена верховных правителей гуннов имеют явное германское происхождение: Баламер, Руга, Бледа, Атила, Мундо и др.), готские племена не стали составляющей формирующейся гунно-булгарской общности, а лишь дали посредством брачных связей элиту для набиравшей силу гуннской державы.

***

Гораздо важнее для гуннов оказалось присоединение нескольких славянских племен по Северскому Донцу и Дону, знакомство с которыми произошло во время нашествия этих воинственных племен на Боспор Киммерийский в 250-е гг. н. э. В городе Трапезунде, основанном готами и боранами на Тамани около 257 г. поселились не только пленники из Трапезунда понтийского, но также германские и славянские племена.

Переход Танаиса (Дона) гуннами-кутургурами следует датировать временем правления боспорского царя Хедосбия (267-275 гг.), одновременно с переселением утигуров и готов-трапезитов в Таврику. Тогда вместе с гуннами-кутригурами в Подонье последовала незначительная часть потомков юэчжи (м. б. акациры, альциагиры?), большинство угорских (венгры-саварты и венгры-кавары) и прачувашских племен.

Около того же времени эти гунны включили в состав своего союза обитателей верхнего течения Северского Донца, так называемых боранов или борадов (греч. βορανοί, лат. *borades*), а по-славянски **сѣверъ**. Под этим названием в те времена скрывался племенной союз носителей диалекта праславянского языка, легшего в основу южнославянских языков и диалектов современности: болгарского, македонского, сербского, хорватского. Эти племена просачивались далеко на юг вплоть устья Дона и до Таманского острова.

Глухими отголосками собственно славянского наименования племен Северского Донца **сѣверъ** я полагаю имя болгарского кана **Севаръ**, Sevar (725-739) а также этноним Савар, Совар, Севор, много лет будоражащий фантазии тюркологов и угроведов. Старое наименование семи родов венгров Σάβαρτοι ἄσφαλοι (DAI 38: 9-10, 28) является, скорее всего, усвоенной при посредстве сарматов (асов) формы множ. ч. на *-ta* от некоего **savar*. К этой сарматской форме восходят, в конце концов, и армянск. этнокон *Sevordik* (народ в VIII в. обитавший на р. Кура), и араб. سوارس [’as-sawardija] (Baladzuri, ум. в 893 г.), и др.-венг. антропоним *Zuard* (Венг. Аноним и Шимон Кезаи SRA I, 41, 75, 77, 78, 80, 90, 92, 93).

Настораживают также наименование родовых старшин этих венгров термином βοέβοδοι, βοέβοδος (в том числе и Леведь, Λεβεδίας DAI 38: 12, 13, 16) и название обычая венгров термином ζάκωνον (DAI 38: 52). Эти славянские слова — свидетельства близкого знакомства древневенгерских родов с северянами Северского Донца вопреки всем лукавым мудрствованиям комментаторов. Если отождествление столицы древних венгров города Лебеди с существующим поныне городом Лебедин в Сумской обл. верно, то соседство древних венгров и славянских северов становится весьма вероятным.

В принципе ошибочна и датировка венгерского этногенетического предания девятым веком. Уже свидетельство Симокатты о Либидине и армянских источников о Севордик удревляют все события, связанные с Лебедией, по крайней мере, на целый век. Но еще древнее (между 491 и 518 гг.) свидетельство Иордана о некоем народе савиров по соседству с альциагирами и хуннугурами (1: 37):

ultra quos distendunt supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt. hinc iam Hunni quasi fortissimarum gentium fecundissimus cespes bifariam populorum rabiem pollularunt. Nam alii Altziagiri, alii Sauiri nuncupantur, qui tamen sedes habent diuisas: iuxta Chersonam Altziagiri, quo Asiae bona audius mercator importat, qui aestate campos peruagant effuses sedes, prout

armentorum inuitauerint pabula, hieme supra mare Ponticum se referentes. Hunuguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellium murinarum uenit commercium;

За ними (акацирами — А. К.) выше Понтийского моря простираются места обитания болгар, которых сделали известнейшими несчастья по грехам нашим. Там уже хунны, словно плодороднейший дерн, порождающий могущественнейшие народы, разрастаются двумя свирепыми народами — ныне они называются альтциагирами, другие — савирами; однако они имеют различные места обитания. Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от того, куда повлечет их корм для скота, зимой, возвращаясь к Понтийскому морю, живут возле Херсоны, куда алчный купец ввозит добро из Азии. Хунугуры же, известны оттого, что от них идет торговля пушниной.

Из этого текста следует, что между Болгарами (где-то в Поднепровье) и савирами обитали некие альтциагиры и хунугуры. Хунугуры в данном случае вопреки всем лукавым мудрствованиям — угры, венгры. Если их поместить на территории Сумской обл. (г. Лебедин), то с востока к ним примыкали савиры, обитавшие, по крайней мере, на территории совр. Харьковской, Белгородской и Курской областей. Вариант этнонима *Sauri*, Σάβιροι — все те же праслав. *sěverь, *sěverьnъ (jb), ср. лит. *šidaurė* ‘север’, *šidaurės*, *šiaurinis* ‘северный’, *šidaurės rytai* ‘северо-восток’. Таким образом, прихожу к умозаключению о том, что уже к середине III в. н. э. в Северном Причерноморье появился этноним *север*, в несколько преобразованном виде усвоенный в сарматские (асские), угорские (правенгерские), прачувашские и тюркские диалекты.

Между 267-275 гг. подразделение общности гуннов по имени утигуры (включавшее адыгские, синдо-меотские, сармато-аланские), совершило совместный с готами-трапезитами и боранами-славянами переход с п-ова Тамань на Таврический п-ов, где они расселились чересполосно в Юго-Западной Таврике, положив начало двум княжествам — Фуллы и Готия. Позднее, совершая далекие военные походы (Фофорс и савроматы в Каппадокии 285 г.), утигуры неизменно возвращались на Боспор.

В период между 275 и 375 гг. донские славянские племена были известны позднеантичным писателям под собирательным именем бораны или борады (вульг.-греч. производные от βορας, βορεας ‘северный ветер’), а собственно славянским летописцам были известны под именами хорваты, сербы, болгары, северь, севера. Они настолько тесно соединились с гуннами, что уже в 375-450 гг. н. э. практически неотделимы от них, участвуют во всех их походах, совместных миграциях и расселении в завоеванных странах.

После удаления римлянами и херсонеситами савроматской династии из Пантикапея (около 342 г.), и потрясших позднеантичный мир походов Ругилы и Аттилы, часть племен утигурской общности в Таврике стала федератами римлян и приютила у себя изгнанных из Малой Скифии сородичей — акациров (охоциров) (после 460-х гг.). Вольные собратья утигуров в Меотиде иногда

становились римскими союзниками в войнах с кутригурской общностью (540-е гг.).

Так, оставаясь в своем отеческом уделе до прихода тюрков и хазар, утигуры и болгары (потомки бати-Баяна), сохраняли столетиями свою самобытность в пределах тюркского и хазарского каганатов до окончательного разгрома печенегами в конце 890-х гг. После этих событий гунны-утигуры (потомки юэчжей) ушли в горы и под именами дзихов, касогов и абасгов дали начало современным адыгам, черкесам и абхазам соответственно. Остатки славянского древнеболгарского этноса «черные болгары», скорее всего, составили основное сельское население Тьмутараканского княжества.

Еще во время понтификата константинопольских патриархов Игнатия (847-858) и Фотия (858-867) готы, охоциры Таврики, хвалисии, жители Астиля, Тьмутаракани, Ретега и гунны по-прежнему причисляли себя к единой культурной общности, уже 200 лет находясь в составе Хазарского каганата.

Наименование Болгары, Булгары (из праслав. **bŭlgarъ*) впервые упомянуто в середине IV в. в связи с их походом в Закавказье.

Во второй половине V в. н. э. болгары (*Bulgarum sedes*), т. е. предки южных славян, обитали между Антами (*Antes*), населявшими тогда дугу побережья от Днестра до Днепра, народом акациров (*gens Acatzirorum*) (выше Понтийского моря) и гуннами (*Hunni*), двумя свирепыми народами альциагиров (*Altziagiri*) и савиров (*Sauiri*). Альциагиры летом кочевали в степях, а зимой возвращались к Херсонесу.

Нападения болгар на империю начались при Анастасии I (491-518). В 500-550-е гг. племена, сильно тревожившие римлян, именовались *антами* и *булгарами*. Булгары вовлекли в это движение родственных по языку *антов* (предков восточных славян) и *славинов* (предков словенцев, словаков, словинцев и ильменских славян).

Следы потомков юэчжи в кутригурском союзе племен неочевидны. Из дальнейшей истории известно, что род Куртугермата продолжал совместное существование с родами *каси*, *кари*, *енах*, *тариана*, *мегери*, *неки* и *каваров*. Все они затем известны как венгерские племена *кеси*, *кер*, *енё*, *тарьян*, *медьер*, *ньек* и хорошо представлены в 300 топонимов королевства Венгрии. Этникон *кавар/кабар* усматривают в четырех топонимах Венгрии. Следовательно, в этом гуннском союзе господствующее положение занимали угры, сохранявшие свою самость еще лет 600!

Во времена византийского императора Ираклия (610-640) и персидского шаха Хосрова (590-628) эти угры нападали на персидскую державу. А во времена междоусобицы в Хазарском каганате, кутригурский родоплеменной союз отделился от Хазарии и поселился с другими уграми в стране пятиречья (Ателькузу – междуречье Днепра, Буга, Днестра, Прута и Серета).

В 894 г. потомки Кутургуров разбили войска болгарского царя Симеона, дошли до Преслава и осаждали крепость Мундрага. Затем вернулись в свою

страну. Но в следующем году, не выдержав нападения с двух сторон болгар и печенегов и потерпев поражения, **оугри чернии** покинули свою страну и мимо Киева проследовали в современную Венгрию. С 895/6 гг. эти угры черные пришли в западные области Болгарского царства и унаследовали словенскую землю.

***

По всей видимости, **юэчжи, угры (венгры), чуваша, сарматы (асы, предки осетин), хунны (саки, аланы, сугдаи, хорезмийцы и другие туранцы), готы (остготы, скиры, херулы), болгары (предки болгар и македонцев), сербы и хорваты в результате длительного симбиоза, межплеменных брачно-родственных связей и культурно-языковой конвергенции породили особую историко-культурную общность уже в III веке н. э. в Приазовье и Предкавказье.** Название ее к середине IV в. – *булгары* (ср. арм. свид. о булгарах Вунда в 350-е гг., последнее наименование, впрочем, может быть результатом ретроспективного изложения событий автором VII в.). Название булгар имеет праславянский облик **bьlgarь*.

Между тем, поздней греко-римской традиции эта общность известна более под названием «гунны», но появляется это название не раньше 367 г. н. э. Этим названием данная общность обозначалась на протяжении IV-VII вв. Примечательна консервативная традиция наименования военно-политического и культурного союза гетерогенных этнических групп Предкавказья и Приазовья грозным именем древних врагов арийцев, дэвопоклонников хвионов (арм. *siunnik*, перс. *hun*, греч. οὐννοί, лат. *hunni*).

Три-четыре гетерогенных этнических групп составили хунно-булгарскую общность уже к середине IV в. н. э. в Приазовье (восточном и северном). Однако дальнейшие миграции вновь разделили народы разного происхождения, и они преобладали в населении некоторых местностей.

В период между 367 и 375 гг. в степях Предкавказья и Приазовья складывается военно-политический союз племен, возглавляемый определенно гуннами. События последней четверти IV в. н. э. свидетельствуют не только о широкой территориальной экспансии гуннов, но и о вовлечении в их союз славянских и германских этнических групп на Тамани и по Северскому Донцу.

Характер миграций гуннов был массовым, хоть и не исключал возможности сохранения части этноса на прежних местах поселения после ухода основной его части. В византийской традиции две общности хуннов в Приазовье и Подонье именовались соответственно *утигурами* и *кутригурами*.

В 375 г. общность гуннов вторглась из Приазовья во владения вестготов: в Буджак и Молдову. Отсюда более четверти века гунны совершали грабительские рейды в Подунавье. А к 400 г. большая часть приазовского населения переселилась в междуречье Днестра и Прута, покинув свои поселения и стойбища.

В первой четверти V в. гуннская общность перевалила Карпаты, расселилась в бассейне Тиссы и вступила в противоборство с гибнущей Римской империей за Паннонию и весь Иллирик. Судя по дошедшим известиям позднеантичных писателей, в правление Атилы наиболее массовым этнолингвистическим компонентом общности гуннов был явно славянский.

После смерти Атилы и распада его империи, в 453-454 гг. гунны (а, следовательно, и славяне) расселяются как раз в тех местах, где их застают и раннесредневековая традиция. Это, согласно Изменнику, эпоха Ирнаха, длившаяся 150 лет:

Племена будущего Аварского каганата

Белые хорваты, часть *сербов* (*сорбы*), *словаки* и *словини* (*словинцы*) после гибели *Эллаха* и распада державы хуннов расселились по южным и северным склонам Карпат, высоким Бескид, Судет и Рудных гор (453/4 г.). Прочие *хорваты*, *сербы* и *словени* вместе с *гепидами* и *лангобардами* оставались в Потисье и Паннонии до прихода туда авар (в 565 г.), позднее они под давлением авар заселили в 610-е гг. Иллирик (*сербы и хорваты*) и Рецию (*словенцы*). Эта общность состояла преимущественно из *славян* (*словаки, словени, словенцы, хорваты, сербы*), *аланов, германцев* (*гепиды*) и *хуннов*. Некоторое культурное влияние на нее оказали авары (слова *орда, каган, жупан*). В последней трети VI в. к ним переселились еще 20 тыс. *уар-хунни*, и 10 тыс. *тарних, коцагир и забендер* (Симокатта VII 8: 16, 17). В 890-е гг. Потисье и Паннония были заселены венграми, продолжавшими традиции хуннов.

Племена будущего Хазарского каганата

Акатиры, Акациры, позднее *охоциры* – возвращаясь при *Денгицихе* (*Денцике*) из Потисья, поселились сначала в Малой Скифии (454-460/1), часть племен общности (*скиры, аланы и сарагуры*) перешли Дунай и осели в М. Скифии и Н. Мизии, в 461 г. *акациры* были изгнаны остготами, долго кочевали в степях Скифии в VI в., позднее сохранялись только в Таврике (г. Харасий и г. Фуллы) до 860-900-х гг. В этой общности преобладали численно туранцы (аланы).

Утигуры, оногуры, баяндуры (потомки бати-Баяна) обитали в Прикубанье и Приазовье уже в последней трети III в., сохраняя свою самобытность до 540-550-е гг. В VII в. известны как *Куни-булгар* (по реке Кофис-Кубани), и много позже до разгрома печенегами в конце 890-х гг. как *Батбаян*.

С общностью *акациров и утигуров* связаны памятники «праболгарского» варианта Приазовья салтово-маяцкой археологической культуры второй половины VIII — начала IX вв.⁴⁵

Кутригуры, котраги — в Подонье. В этой общности сосуществовали венгры (кавары и другие восемь родов), вост.-славянские и болгарские племена (*севера, българи*), древние чуваша. В середине VIII в. в лесостепном поясе пограничья хазарскими правителями были расселены еще и *асы* (*ясы*), т. е. древние осетины. С этой историко-культурной общностью связаны памят-

ники «праболгарского» варианта Подонья салтово-маяцкой археологической культуры⁴⁶ и весь восточно-славянский мир.

Хайландуры, сарагуры, хунны, барсилт, савиры обитали в Предкавказье уже в 461-463 гг. Хуннское племя *сарагуров* откочевало из Малой Скифии к Дербенту (Аланским Воротам) в 461 г., откуда позднее было вытеснено общностью *оуар-хоунни*. Сарагуры пытались пройти в Алванию, но встретили сопротивление персидской охраны Дербента. Тогда через Дарьял сарагуры пришли к Иверам. Оногуры, барсилт и савир в середине VI в. приняли бежавших из Средней Азии уар-хунни. В этой общности преобладали *хунны, асы* (сарматы) и *аланы* (туранцы).

Потомки *сарматов (асы)* считаются создателями так называемой «аланской» археологической культуры центрального Предкавказья. А в середине VIII в., поселенные хазарским каганом в лесостепную область Подонья, асы оставили «аланский» лесостепной вариант салтово-маяцкой археологической культуры⁴⁷.

В середине VI в. к северо-кавказским хуннам первой переселенческой волны (*огоры*) присоединились среднеазиатские *уар-хунни* (20 тыс.) из Бактрии (Кундуз, Балх), *кучи-булгары (коцагиры)* из Кучи, *отогхонтор-булгары, чдар-булгары, булх* из Сакастана, Хорезма (Холозма) и Согда. Но в последней трети VI в. общность уар-хунни перекочевала в Паннонию.

Хуннские племена *хайландуров, савиров, барсилов*, какие-то остатки *уар-хунни, кучи-булгаров, отогхонтор-булгаров, чдар-булгаров, булхов* остались и в составе Хазарского каганата. Им можно приписать довольно скудные нижеволжские памятники салтово-маяцких типов⁴⁸.

Принято считать, что эта хуннская общность со временем была полностью ассимилирована сев.-кавказскими народами (дагестанцами, чеченцами, ингушами и кабардинцами), если только сами последние не являются в языковом отношении прямыми наследниками загадочных хуннов. В таком случае их лингвогенез и культурная преемственность получили бы более убедительное объяснение, нежели даваемое «восточно-анатолийской» гипотезой происхождения сев.-кавказских языков.

Племена будущего Болгарского канства

Наибольший интерес для исследователей собственно болгарского этногенеза и культурогенеза представляет хуннский союз племен, возглавленный в 453 г. сыном Аттилы по имени Хернах (др.-болг. Ирникъ), чья эпоха правления длилась 150 лет.

Хунны-Кидариты (обычно толкуют как 'носящие персидские остроконечные митры', но не менее вероятно и толкование на основе др.-инд. *kedâra*- 'заливной луг, орошаемое поле', *kaidarya*- 'происходящий с заливных лугов' – Кочергина 173), имевшие в своем составе *хуногуров, хуногундуоров* и единоплеменных им *кутригуров*, а также *аланов, асов и славян*, сначала поселились в Малой Скифии (453-454 гг.).

Затем под давлением римлян и союзных им остготов *Хернах* (греч. Ἡρναχ, лат. *Hernac*, болг. *Ирникъ*) переселился в долину реки Герр (Днепр) и основал город *Хунновар* (454-460 гг.). С тех пор Великая Скифия стала именоваться германцами *Хуналанд* «Земля Хуннов». Эрнах заключил союз с царем аланов и послал посольства к хуннам-эфталитам (Средняя Азия и Синд) и хуннам, живущим близ державы Серов (Китай). Сам Хернах не вел войн с римлянами, ибо внутренние войны отвлекали его. Через его владения в 461 г. прошли из М. Скифии на Кавказ *сарагуры*.

Эпоха Хернаха-Ирника длилась 150 лет (т. е. около 453-603 гг.). Его преемники воевали с римлянами. В 469 г. гунно-булгары напали на провинции М. Скифию и Н. Мизию, дошли до хребта Хем, но были изгнаны римским полководцем *Аспаром*. Память о короле Аспаре навсегда осталась в болгарском комплексе в виде предания о *Аспарухе/Исперихе*. В 480 г. гунно-булгары стали союзниками римлян в борьбе с остготами. В 486-488 гунно-булгары и римляне императора Зенона вместе воевали против остготов.

В 491, 493, 499, 502 гг., нарушив союз с римлянами, гунно-булгары совершали опустошительные походы во Фракию. В 513-514 гг. гунно-булгары поддержали восстание Виталиана в Малой Скифии. А в 517 г. гунно-булгары и славяны прошли Македонию, Эпир, Фессалию до Фермопил и удалились, лишь получив откуп в 1000 фунтов золота. В 527 г. гунно-булгары и славяны напали на Фракию и Геллеспонт, Иллирик и Элладу. В 530 г. гунно-булгары (нередко просто булгары!) опустошили Фракию. В 537 г. были разбиты римлянами у реки Янтры и выдворены за Истр. Но в 539-540 гг. совершили победоносный поход в Нижнюю Мизию, Фракию и Элладу, уведя 120000 пленных римлян за Истр. Уже в 595 г. римские войска наткнулись на 1000 булгар, подданных аварского кагана, где-то у слияния р. Осъм и Дунай.

Общность гуннов-кидаритов изначально состояла преимущественно из хуннов (потомкой юэчжи) и болгар (предков болгар и македонцев), а также из многочисленных племен сигиннов, синдомеотов, сарматов-салмов, саков, и малочисленных угров (вогулов). В 440-е гг. к ним добавилось огромное население, говорившее на вост.-романских наречиях (предки волохов и молдаван). При этом часть славянских племен этой общности на протяжении второй половины VI в. постепенно переселилась на территорию Восточной Римской империи. Их же путями просачивались обратно за Дунай черные влахи, менглено-румыны и др. вост.-романские общности.

Остававшиеся в Поднепровье и Поднепровье анты (славяне) и хунны испытали сильное культурное влияние со стороны вост.-романцев, аваров (уархунны) и тюрков в период между 565 г. и предполагаемым годом окончания правления *Коурътъ-кана* (605-665?). Лексические заимствования др.-тюрк. облика (иногда при явном вост.-роман. посредстве) заметны в составе древнего (*жоапан, кан, кавхан, болярин, таркан*) и современного (*бисер, белег, белчуг, бѣбрек, капище, кумир, сан, тояга, чипаг*) болгарского словарного фонда⁴⁹.

Принято считать, что место захоронения *Коурътъ-кана* обнаружено археологами в Поднепровье⁵⁰.

После Коуръта 3 года правил кан *Безмѣрь* (665-668). Согласно Именнику, пять князей правили по ту сторону Дуная 515 лет: *Авитохоль*, *Ирникъ*, *Гостоунъ*, *Коурътъ* и *Безмѣрь*.

Остатки хуннов-кидаритов (аспургиан, уногуров и уногундуrow) и союзных им славян под предводительством кана *Есперериха* или *Испериха* покинули Поднепровье и переселились за Дунай в обл. г. Плиска в период между 668 и 679/680 гг. Тем не менее, они сохранили контроль над Буджаком и Мунтенью. Восточной границей державы Исперериха стал Днестр, где до печенежского опустошения процветали пограничные крепости Евукаты, Салмакаты, Сакакаты, Тунгаты, Кракнакаты и главный город Аспрокастрон (Белгород Днестровский), заселенные туранцами (саки), сарматами (салмы) и вост.-романцами (ромэи). В конце IX – начале X вв. это смешанное население оставило «балкано-дунайскую» археологическую культуру (Калфа, Ханска)⁵¹.

Новая эпоха симбиоза хуннов-кидаритов (так называемых аспаруховых болгар), славян и черных влахов к югу от Дуная началась в последней трети VII в. и продолжалась до последней трети X в. Трехсотлетнее правление канов *Тервеля* (21 год, около 695-714 или 701-718), *Анонима* (правившего 28 лет?), *Севара* (15 лет, 724-739), *Кормисоша* (греч. Κορμίσσιος) (17 лет, 739-756), *Винеха* (7 лет, 756-761), *Телеца* (3 года, 761-763), *Сабина* (763-765), *Оумора* (40 дней, 765), *Токту* (765-767), *Пагана* (767-771), *Телерига* (772-777), *Кардама* (777-802), *Кроума* (802- 13.04. 814), *Омуртага* (814-831), *Маламира* (831-836), кавхана *Исбоула* (831-838), *Персияна* (836-852), *Бориса I* (852-889), *Владимира-Расате* (889-893), *Симеона* (893-27.05.927), *Петра* (927-968), *Бориса II* (968-971) достаточно полно освещено историческими источниками⁵².

На это время приходятся лексические заимствования венгерского и чувашского облика в славянский язык болгар, типа *пашеног* (баджанак)⁵³. Напротив, в именнике болгарских канов заметны имена, имеющие очевидное славянское происхождение: *Гостоунъ* или *Гостоунь*, *Телец*, *Маламир*, *Владимир*.

***

Внимательный читатель заметит удивительное сходство этой картины с легендарным переселением пяти сынов царя Коврата.

Первый брат, Батбаян (т. е. старший брат (батя) Баян) остался на родине (Приазовье и Прикубанье) — это утигуры 533-566 гг., часть предков южных славян (болгар), а также адыги, черкесы и абхазы и жившие чересполосно с ними аланы, асы.

Второй брат Котраг обосновался у Дона — это предки кутригуров 533-566 гг. в Подонье, позднее — городское и сельское оседлое население

хазарской Дентии (600-900 гг.), еще позднее население Волжской Булгарии (900-1250-е гг.). Тут соседствовали потомки юэчжей, ранние чуваша, правенгерские, ассские (сарматские) и восточнославянские племена.

Третий брат по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр, поселился у Истра, в труднодоступной области Онглос – это хунны (юэчжи) Аттилы, Хернаха, Курта, Исперериха, вогулы, туранцы (саки, аланы) и предки болгар и македонцев.

Четвертый брат, перейдя Истр, поселился в Паннонии, позднее вошел в союз с аварами (с 565 г.) — это остатки хуннского племени Аттилы и Эллага и предки сербов (+ сорбы, лужичане) и хорватов (+белые хорваты).

Пятый брат поселился в Равеннском Пентаполе и стал подданным римлян — это другая часть племени Аттилы и Эллага и предки словенцев, словаков, словинцев.

Очевидно, перед нами этногенетическое предание, которое описывает не одновременные события последней трети VII в., как привыкли думать многие, а гораздо более давние события между 367 и 453 гг. При этом, описание расселения сынов Коврата практически соответствует миграции не только предков современных болгар, но и сербов, хорватов, словенцев, т. е. миграции носителей южно-славянской и части западно-славянской групп диалектов.

***

Таким образом, этногенез современных болгар уходит корнями в позднеантичное Приазовье (Аспург и Аспургiane), где в эпоху Авитохла из рода Дуло (девиз правления «диломъ твиремъ») с 153 по 453 гг. произошло слияние в единую общность некоего гоби-алтайского племени юэчжей (гуннов, *Iazygae*?) и ряда славянских племен (*Borades*, *Boranoi*). Какое-то участие в культурном формировании этой общности принимали древние германские (остготы, скиры, херулы), туранские (аланы, саки), сарматские (асы), синдо-меотские и цыганские, чувашские и угорские (вогулы) племена.

Конец эпохи ознаменован переселением хуннов (Аспарух), а вместе с ним болгар, валахов и др. из Поднепровья и Поднестровья в М. Скифию и Н. Мизию и начало формирования ст.-болгарской культуры.

Эпоха господина уногундуrow, Коуръта (греч. *Κουβρατος*) из рода Доуло (девиз правления «шегоръ вечемъ») (около 605-665) отмечена восстаниями хуннов против засилья авар и союзными отношениями с византийцами (619, между 634 и 640 гг.)

Эпоха Везмера из рода Доуло (девиз правления «шегоръ вечемъ») 665-668 гг. отмечена серьезным столкновением с хазарами на востоке, утратой областей к западу от Днестра, концентрацией населения в Онглосе.

Эпоха Есперериха, Испериха из рода Доуло (девиз правления «верениалемъ») 668-729 (?) ознаменована завоеванием и массовым заселением хуннами-булгарами римских провинций М. Скифия, Ниж. и верх. Мёзия.

Эпоха Тервеля из рода Доуло длилась 21 год (девиз правления «теко-учитемь тьвиремь») и была временем сложения др.-болг. этнокультурного комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Амброз А. К. Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья, М.: Наука, 1981, сс. 10-23; Вайнберг, Новгородова, 1976, с 66-74, 69 и сл.; Мошкова, 1989, с. 213; Кляшторный, 1992, с 118; Храпунов, 1995, с.69.

²Ср. Хауссиг Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский Временник, Т. 38, — М., 1977, с. 621.

³Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л., 1950, ч. 2., 148, 150, 154.

⁴Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977; Мухамадиев А. Г. Древние монеты Поволжья. Казань, Татарское книжное издательство, 1990, с. 50, 59.

⁵Восточное серебро. Атлас древней серебряной золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. — СПб., 1909. Табл. XX, 46.

⁶Менандр Протектор, Симокатта Ф. История, кн. 7, прим. 27, с. 265.

⁷см. Джафаров Ю.М.Р. Гунны и Азербайджан. — Баку, 1985.

⁸Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы. Тибетцы // Восточный Туркестан в Древности и Раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. — М.: Наука. Глав. Ред. вост.лит-ры. 1992-91, 157-193.

⁹Воробьева-Десятовская М.И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в Древности и Раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. — М.: Наука. Глав. Ред.вост.лит-ры. 1992. — 58.

¹⁰Иванов В. В. Контакты праславянского с тохарским// Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации / Отд-ние лит.и яз. РАН; Национальный комитет славистов РФ. М.: Наука, 1998. — 624 с., сс. 325-334.

¹¹Doerfer Gerhardt. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. The Hague-Wiesbaden, Vol. XVII, 1973, № 1, 1-50.

¹²Стойнев А. А. О духовной культуре праболгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984, 108.

¹³Ligeti L. Uráli török jövevényszavaink kérdéséhez. — Magyar Nyelv LIX, 1963, 381-393.

¹⁴см. Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Лингвистическая структура и древнейшая история Востока. Ч. 2. М.: Наука, 1984. — 19-38.

¹⁵Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских)

языков / Ин-т языкознания АН СССР; отв. редактор Н.З.Гаджиева — М.: Наука, 1989. — 384 с.: 33-38, 68.

¹⁶Кумахов М. А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков / Ин-т языкознания АН СССР; отв. редактор Н. З. Гаджиева — М.: Наука, 1989. — 384 с.: с. 11-12.

¹⁷Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА, 1954, № 2, 263-268; Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА, 1954, № 2, 269-284; Дончева-Петкова. Знаци върху археологически паметници от средновековна България VII-X век. София, 1980; Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. Band 19. Wiesbaden, 1985; Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы. — Ставрополь, 1989.

¹⁸Федотов М. Чувашский язык в семье алтайских языков. — Чебоксары, 1980, 41.

¹⁹Poppe M. Introduction to Altaic linguistics. — Wiesbaden, 1965.

²⁰Pritsak O. Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955; Benzig Johannes. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische (Sprachreste) // Turcicae Philologiae Fundamenta T. 1, 1959, 685-695.

²¹ср. Стойнев А. А. О духовной культуре праболгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984, 108 и Москов М. Именник на българските ханове (ново тълкуване). ДИ «Д-р Петър Берон», София, 1988. 368 с.; Сефтерски Р. Връщане към историческото начало на българите през 153-765 г. // Старобългаристика, XIV (1990), 3, 105-108.

²²Гарипова Ф. Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к болгарскому периоду // Советская Тюркология, 1989, № 3, 68-78.

²³Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, Отв. ред. С. А. Плетнева, М.: Наука, 1981. — 103: Засецкая И.П., 1968аб, Шилов В.П., 1975, Alföldi A., 1932; Синицын И.В., 1936, 1947, 1959, 1960; Смирнов К.Ф., 1959; Rau. P., 1927; Minajeva T. M., 1929; Минаева Т. М., 1927, Рыков П. С. 1929, Гольмстен В. В., 1929, Нефедов Ф. Д., 1899.

²⁴Gombosz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912; Gombocz Zoltán. Honfoglalás előtti bolgár-török jövevényszavaink Közzétette: Ligeti Lajos. Nyelvtudományi Értekezések 24 sz., Akadémiai Kiadó. Budapest, 1960; Kispal Sz. 1951, 55; Ligeti L. Quelques problèmes étymologiques des anciens mots d'emprunt turcs de la langue hongroise // АОН, 1975. Т. 29, fasc. 3.

²⁵Ибн-Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1939. Т. 2, с. 393, 396.

²⁶Ал-Бируни. Асар ал-бакийя. Лейден, 1876-1878. С. 42.

²⁷Юсупов Т. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М., 1960, 89; Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978, 104.

²⁸Róna-Tas A. Some Volga Bulgarian words in the Volga Kipchak languages // Hungaro-Turcica. Bp., 1976.

- ²⁹Wichmann Y. Die tscuwassische Lehnwörter in den permischen Sprachen // MSFO4, 1903. T. 21.
- ³⁰Munkácsi B. A török műveltségátvitel kora. — Ethnographia 6. 1895. 2. Sz., p. 136-137 (1895a), A magyar magánhangzók történetéhez. II. Nyelvtudományi Közlemények 25. 1895. 3. Sz., p. 269 (1895b); Ligeti L. op. cit. 1963, 381-393.
- ³¹Budenz J, Jelentés Vámbéry Á. Magyartörök szógyegyeztetéseiről. NyK, 10 (1873), p. 67-135, 189-201; Bárczi G. A magyar szókincs eredete. Bp., 1958, 60-79, Инда П. Николова-Маркова. Прабългарски заемки в унгарския език. // Филология. 12-13. София. 1983. с. 164.
- ³²П. Юхас Тюрко-българи и маджари. Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. — София: с/о Юсаутор, 1985, с. 62.
- ³³Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. — М.: Наука, 1984, 20-25.
- ³⁴C. de Boor, Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd., XII (1891), S. 533.
- ³⁵Magyar-Orosz szótár. Budapest-Moszkva, 1987, 642.
- ³⁶П. Юхас Тюрко-българи и маджари. Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. — София: с/о Юсаутор, 1985, с. 56, 62.
- ³⁷Bailey H. Dictionary of Khotan saka. Cambridge.
- ³⁸// Восточный Туркестан в Древности и Раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. — М.: Наука. Глав. Ред. вост. лит.-ры. 1992 — 687 с.: ил.
- ³⁹П. Юхас Тюрко-българи и маджари. Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. — София: с/о Юсаутор, 1985, с. 62.
- ⁴⁰П. Юхас Тюрко-българи и маджари. Влияние на тюрко-българската култура върху маджарите. — София: с/о Юсаутор, 1985, с. 13)
- ⁴¹Németh Gy. A honfoglaló magyarság kialakulása. Bp. 1930, p. 17.
- ⁴²Bárczi G. A magyar szókincs eredete. Bp., 1958, 53-54.
- ⁴³Афанасьев Г. Е. Буртасы // Исчезнувшие народы. М.. 1988, с. 85-96.
- ⁴⁴Турчанинов Г. Ф. О языке надписей Маяцкого городища и на флягах Новочеркасского музея // Советская Археология. 1964, № 8, 72-87; Он же Памятники... с. 89; Хабишев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // Советская Тюркология, 1970, № 2, 64-69.
- ⁴⁵Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 62-75.
- ⁴⁶Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 62-75.
- ⁴⁷Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 83-93; Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 62-75, 152.
- ⁴⁸Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 62-75.
- ⁴⁹Wendt H. F. Die türkischen Elemente im Rumanischen. Berlin, 1960.
- ⁵⁰см. Вернер Й. Погребалната находка от Малая Перешчепина и Кубрат-хан

на българите. София, 1988, 39-44; Сефтерски Р. Рец. — Исторически преглед, 1989, № 2, 104-107.

⁵¹Плетнева С. А. Балкано-дунайская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 75-77.

⁵²Кратка история на България. София: Наука и Изкуство, 1981. — с. 41-54.

⁵³Menges K. Bulgarische Substratfragen // UAJb. 1960. T. 32, № 1-2.